

Л. С. Клейн

Место палеолитического искусства в эволюции изобразительной деятельности

(Шер Я. А. Доистория искусства.
Происхождение и начальная эволюция.
М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 232 с.)

В 2017 году вышла очередная книга Я. А. Шера о происхождении изобразительной деятельности — «Доистория искусства: Происхождение и начальная эволюция». Она дополнила ряд его книг и статей на ту же тему (Шер 2006; Шер, Вишняцкий, Бледнова 2004 и др.). Шер сейчас несомненный лидер в исследованиях на эту тему в России, его идеи знаменуют прорыв в этом деле.

Современное понимание первобытного искусства зиждилось в основном на работах французов: аббата Анри Брейля, который утвердил сравнительно-этнографический подход и разработал эволюционистскую периодизацию и хронологию первобытного искусства, и Андре Леруа-Гурана, выдвинувшего структуралистское толкование размещения изображений животных в пещерах. Отечественные ученые недавнего прошлого искали в материале подтверждение идей корифеев истории науки, в том числе и классиков марксизма (А. Д. Столяр); устанавливали хронологию памятников искусства; базирясь на этнографии, разгадывали по отдельности смысл сюжетов (то и другое — А. А. Формозов); пытались построить первобытную эстетику на основе технологии (А. К. Филиппов); сравнивали психику первобытного художника с психикой больных аутизмом (П. А. Куценков).

Шер перевёл поиски решения проблемы в сферу психофизиологического формирования человеческих способностей на основе связи изобразительной деятельности с языком. Это резко изменило всю систему рассуждений и открыло новые возможности истолкования трудных аспектов.

В книге шесть глав. Первая глава — это краткая история вопроса. Вторая посвящена описанию материала: памятники, их ареал и хронология. С подлинным знанием дела описываются знаменитые пещеры (автор сам не раз бывал в них), сравниваются обе основные периодизации — Брейля и Леруа-Гурана (абсолютная хронология не подтвердила ни ту, ни другую).

В третьей главе доистория искусства рассматривается по-новому. Автор не принимает идею, что труд создал человека. По его мнению, человека создало владение внегенетической информацией, а это означает решающую роль языка, включая и искусство. Начало сознания — мысленная модель. В главе четвёртой рисование детей рассматривается как модель зарождения и развития изобразительной деятельности. Причём существенно, что дети после периода талантливого рисования в большинстве теряют эту способность (за исключением одиночек). В пятой главе рассматриваются сходства и различия между детским рисунком и первобытным искусством. К числу сходств относятся схематизм, «прозрачность», нарушение пропорциональности, отсутствие перспективы, фризовая композиция, многоэпизодность. Рассматривается связь этапов рисования с этапами освоения языка. Шестая глава отведена рассмотрению отношения первобытного искусства с эстетикой. Красота сводится к выбору, а он обоснован условиями выживания (половой отбор, пищевые предпочтения и т. д.).

Автор сам подчёркивает, что находится в начале пути. Он отмечает неполноту данных и дискуссионность многих деталей. Искусствоведы и археологи, вероятно, найдут в изложении места, вызывающие критическое восприятие. Я отмечу только одно такое место, касающееся меня лично. Вернёмся к первой главе.

Первая глава книги называется «Краткая история вопроса». Она построена не на прослеживании развития и смены концепций или школ, как можно было бы ожидать, а на перечне исследователей, работавших над этой темой, и переложении их взглядов. Это краткий, но очень полный обзор, с описанием взглядов учёных, сделавших важные шаги, — Макса Рафаэля, Жана Клотта, Дэвида Льюиса-Уильямса, Мишеля Лорбланше и др.

В конце этого перечня нашлось место и мне, точнее, одной моей статье — «Изобразительная деятельность в эволюционной перспективе» (Клейн 2010). По этому поводу Шер пишет обо мне (с. 58):

Специально первобытным искусством не занимался, однако недавно опубликовал статью об эволюции древнейшего искусства (2010). В ней, в основном в режиме обзора, он коснулся вопросов, которые обсуждаются в данной работе. Отсутствие опыта непосредственной (включая полевую) работы с древнейшими изобразительными памятниками привело к некоторым ошибкам в понимании эволюции искусства, которая сначала была латентной и происходила в структурах головного мозга в тесной связи с эволюцией языка... Затем, когда это искусство «выплеснулось» на стены пещер и другие предметы, получилось так, как будто оно родилось внезапно, из «ничего». Искусство эпохи мезолита не «примитивно», а схематично, что вполне соответствует закону редукции в знаковых

системах и повсеместному употреблению глаголов в речи. Нельзя объединять А. Брейля и А. Леруа-Гурана. У них были совершенно разные подходы к хронологии, так же как неверно ставить рядом Н. Хамфри, А. Снайдерса, Д. Митчелла и П. А. Куценкова. При некоторых общих взглядах мой подход не совпадает с подходом Л. Льюиса-Уильямса и Ж. Клотта. Осталось впечатление, что Л. С. Клейн сначала выстроил теоретическую схему (первая аномалия, вторая аномалия и т. д.), а потом под нее стал подбирать факты. Таким образом он иными словами вернулся к тому пониманию эволюции искусства, которое существовало весь XIX в. и первую половину XX в. до А. Д. Столяра и А. К. Филиппова включительно.

Что-то в моей статье раздражило Я. А. Шера, и он, во-первых отвёл место её автору в ряду основных исследователей проблемы, хотя этот автор «специально первобытным искусством не занимался» и «опыта непосредственной (включая полевую) работы с... памятниками» не приобрёл, а во-вторых, Шер уделил полстраницы сжатой критике ошибок сего автора несколько пристрастно. Возможно, поводом для раздражения послужила именно претензия такого неподготовленного автора на своё слово в решении проблемы. Хочу ликвидировать это недоразумение.

1. Я не так уж «недавно» взялся за искусствоведческие сюжеты археологии. В частности, генезису искусства был посвящён мой доклад 1977 года на конференции, руководимой М. С. Каганом, и текст его опубликован в его сборнике 1987 года (Клейн 1987). Кстати, в этом докладе я трактовал искусство, включая изобразительную деятельность, как разновидность языка и вообще знакового поведения. Занимался я и другими искусствоведческими сюжетами археологии (теорией стиля, первобытным барокко и др.).

2. Моя статья, заинтересовавшая Шера,— не о происхождении изобразительной деятельности, а обо всём ходе её эволюции. Палеолитическому отрезку («первой аномалии») уделено всего две страницы из десяти. Остальной текст — об «аномалиях» нового времени. Я сочувственно изложил основы концепции Я. А. Шера, не упуская и его упора на то, что «прохождение многих этапов могло быть осуществлено в сознании некоторых людей быстро и без оставления видимых археологам следов» (Клейн 2010: 3).

3. Я рассматривал в этой статье эволюцию прежде всего как закон, воспринятый людьми XIX и XX века:

«Современному человеку свойственно представлять всякий ход событий в какой-либо отрасли *эволюцией*... Эволюция подразумевает постепенное изменение в направлении прогресса, т. е. усложнения, упорядочения и совершенствования. Так люди представляют себе и развитие изобразительных искусств... Предполагается постепенное овладение секретами условности (в передаче на плоскости трехмерного объекта), овладение рисунком с натуры и цветопередачей, открытие перспективы, расширение тематики т. д.» (Клейн 2010: 112).

И рассматривал нарушения этого закона (я называл их аномалиями) как реальность и искал их объяснения. Но ведь так же подходит и сам Шер: он не отрицает эволюцию — и в названии его книги фигурирует «эволюция»! Просто он, как и многие современные исследователи, очевидно, считает органически присущими эволюции перепады, скачки, революции и т. п., — всё то, что по отношению к общей постепенности прогресса может выступать как аномалии. Я тоже

в общем рассматриваю эволюцию именно так. И призываю исследователей сосредоточиться именно на аномалиях — в них скрываются открытия.

4. «Искусство эпохи мезолита не „примитивно“, а схематично», — пеняет Шер мне. Я действительно назвал эти изображения «примитивными» (Клейн 2010: 113), но в каком контексте? Там, где я излагал впечатления исследователей-эволюционистов («появились примитивные изображения, вполне ожидаемые для ранних стадий развития»). А дальше я называю их «схематичными» (Там же: 115). Впрочем, «примитивный» означает не обязательно «первичный», «первозданный», «неразвитой», но и «простой», «элементарный». А эти значения вполне подходят к мезолитическим изображениям. Там весьма несложные схемы.

5. «Нельзя объединять А. Брейля и А. Леруа-Гурана. У них были совершенно разные подходы к хронологии» (Шер 2017: 58). Брейля и Леруа-Гурана я рассматриваю в своей книге по истории археологии как совершенно разных исследователей, даже в разных главах, описывающих разные школы (Клейн 2011). А вот сам Шер их как раз именно по хронологии объединяет. Брейль разбросал изображения по типологии найденных в комплексе с изображениями вещей и таким образом пришёл к периодам эволюционной технологической схемы Мортилье — Брейля. Леруа-Гуран же периодизировал изображения по типологии их самих (по стилям) и по её совмещению с типологией мелкой пластики. «Свою классификацию стилей Леруа-Гуран „наложил“ на этапы технологической периодизации, т. е. остался не только в рамках тех же названий периодов (ориньяк, солютре, мадлен и т. д.), но и в пределах соответствующих хронологических периодов» (Шер 2017: 99). За исключением предполагаемого «дофигуративного искусства» у него те же четыре периода (четыре «стиля»), что у Брейля. Его схема построена «фактически на тех же основаниях, что и схема Брейля» (Там же: 100).

6. «Неверно ставить рядом Н. Хамфри, А. Снайдера, Д. Митчелла и П. А. Куценкова» (Там же: 58). Хамфри увидел сходство рисунков девочки-аутиста без речи с пещерными изображениями, и за ним в этом последовали все названные здесь авторы. В каком смысле неверно ставить рядом? Обычно так говорят, когда поставленные рядом очень разномасштабны, скажем, иностранные авторы более оригинальны как учёные, чем Куценков. И его, и Хамфри критикуют наши археологи — Хамфри более благосклонно, Куценкова — более жёстко (Вишняцкий 1999; Аникович, Платонова 2011). Но как раз Шер защищает Куценкова: хоть его критики «в целом правы», но у них самих есть ошибки, а «дальнейшие исследования П. А. Куценкова могут стать интересными и доказательными, если он продолжит прямые контакты» с представителями естественных наук (Шер 2017: 59). А что касается гипотезы Хамфри (о воздействии формирования языка на характер изобразительной активности), то «отмахнуться от этого вопроса тоже нельзя» (Там же).

7. «При некоторых общих взглядах мой подход не совпадает с подходом Д. Льюиса-Уильямса и Ж. Клотта» (Там же: 58). Я коротко изложил эти общие взгляды, и, на мой взгляд, они очень существенны (сопоставление развития изобразительной деятельности с развитием языка, с участием в этом полушарий головного мозга — это же суть новой концепции). При этом я указывал на «независимость» Шера и западных авторов друг от друга. И он, и они впервые обнародовали свои взгляды в 1990-е годы.

Я не вдавался в их различия. Западные авторы упирали на вхождение рисовавших в состояние транса и связывали это с шаманизмом, Шер отвергал это:

для него достаточно учёта двух факторов — жизненных стрессов особо одарённых людей и напряжённости магических и ритуальных действий в первобытной жизни. Это конкретизация основной гипотезы, и я счёл возможным опустить эти различия при кратком изложении. Прошу прощения за такое сокращение.

Ещё раз подчёркиваю: я в своей статье рассматривал общий ход эволюции изобразительной деятельности (с тремя «аномалиями»). А палеолитическое искусство для меня в этой статье было лишь эпизодом. И я безусловно выражал свое восхищение прорывными идеями Я. А. Шера, в каковом восхищении остаюсь.

Литература

- Аникович М. В., Платонова Н. И. 2011. Первобытное искусство, аутизм и «полумозглый» кроманьонец. Рец. на: Куценков П. А. Психология первобытного и традиционного искусства. М.: Прогресс-Традиции, 2007, 231 с. *Российский археологический ежегодник* 1, 650–656.
- Вишняцкий Л. Б. 1999. Новое объяснение натурализма пещерной живописи. *Природа* 5, 117–118.
- Клейн Л. С. 1987. К вопросу о связи культуры и искусства. В: Каган М. С. (ред.). *Искусство в системе культуры*. Л.: Наука, 22–29.
- Клейн Л. С. 2010. Изобразительная деятельность в эволюционной перспективе. В: Каменецкий И. С., Сорокин А. Н. (ред.). *Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009)*. М.: Гриф, 112–122.
- Клейн Л. С. 2011. *История археологической мысли*. Т. I–II. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Шер Я. А. 2006. *Первобытное искусство*. Кемерово: Кузбассвузиздат.
- Шер Я. А., Вишняцкий Л. Б., Бледнова Н. С. 2004. *Происхождение знакового поведения*. М.: Научный мир.

References

- Anikovitch M. V., Platonova N. I. 2011. Pervobyitnoe iskusstvo, autizm i «polumozglyi» kroman'onets. Rets. na: Kutsenkov P. A. Psikhologiya pervobyitnogo i traditsionnogo iskusstva. M.: "Progress-Traditsii" Publ., 2007, 231 s. *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik* 1, 650–656 (in Russian).
- Klein L. S. 1987. K voprosu o sviazi kul'tury i iskusstva. In: Kagan M. S. (ed.). *Iskusstvo v sisteme kul'tury*. L.: "Nauka" Publ., 22–29 (in Russian).
- Klein L. S. 2010. Izobrazitel'naia deiatel'nost' v evoliutsionnoi perspektive. In: Kamenetskii I. S., Sorokin A. N. (eds.). *Chelovek i drevnosti. Pamiati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009)*. M.: "Grif" Publ., 112–122 (in Russian).
- Klein L. S. 2011. *Istoriia arkheologicheskoi mysli*. T. I–II. SPb.: "Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta" Publ. (in Russian)
- Sher Ia. A. 2006. *Pervobyitnoe iskusstvo*. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ. (in Russian).
- Sher Ia. A., Vishniatskii L. B., Blednova N. S. 2004. *Proiskhozhdenie znakovogo povedeniia*. M.: "Nauchnyi mir" Publ. (in Russian).
- Vishniatskii L. B. 1999. Novee ob'iasnenie naturalizma peshchernoii zhivopisi. *Priroda* 5, 117–118 (in Russian).